

Беседа 42

Бичевание Иисуса с насмешками и новое бесполезное воззвание Пилата к иудеям

Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплелиши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу, и говорили: радуйся, Царь Иудейский! и били Его по ланитам. Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожусь Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины. Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек! Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его! Пилат говорит им: возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины
(Ин. 19, 1 - 6).

Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие. Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплелиши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове

(Мф. 27, 26 - 30).

Бичевание Иисуса с насмешками...

А воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали весь полк, и одели Его в багряницу, и, сплели терновый венец, возложили на Него; и начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский! И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему

(Мк. 15, 16 - 19).

Печальна, страшна картина упорства, с каким синедрион настаивал на исполнении злобной воли своей о Христе Иисусе. Сколько уже вытерпел борьбы Пилат с этой дикою злостью! Пилат не столько искренен в любви своей к правде, чтобы действовать за правду решительно; он оскорбляет правду уступками желаниям неправды — но всё еще не хочет оставить правду вовсе без защиты: он все еще борется с упорством синедриона. А синедрион остается с сатанинскою злостью против Иисуса. О! когда бы взгляд на упорство злой воли возбудил в нас ужас к положению нераскаянных сердец!

Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его.

Пилат велел воинам бить Иисуса, тогда как отпустил Варавву. Бичевание обыкновенно служило приготовлением к смертной казни. Значит, синедрион был теперь рад, что так близок он к своей цели. Но Пилат, как увидим, имел в виду склонить иудеев ограничиться этою уступкою желаниям их. Это значило, что Пилат делал неправду, чтобы достигнуть доброй цели. — Жалкая расчетливость судьи!

Бичевание (довольно сносное) было и у иудеев (Втор. 25, 3; 2 Кор. 11,24). Но Христос Иисус предан был на бичевание римским воинам. Это было бичевание, соответствующее жестокости языческой. Бичевание у римлян было наказанием столько же жестоким, сколько и позорным: ему подвергались собственно рабы. Евангелисты не описывают подробностей бичевания, какое претерпел Христос Иисус. Но наименование, данное сему наказанию у евангелистов, показывает, что бичевание Иисуса Христа было самое жестокое, что согласовалось и с распоряжениями Пилата. Обыкновенно наказуемого привязывали к столбу, и число ударов бичами не было определено законом: закон языческий давал простор жестокости и произволу. Смирнские мученики II века, по свидетельству Евсевия, «так были избиты бичами до вен и артерий, что видны были составы тела и самые внутренности чрева».

Блаженный Иероним писал, что ему «показывали столб, орошенный кровью Господа, у которого Он был привязан и биен». И Златоусту известен был «деревянный столб в Иерусалиме, где был привязан и бит бичами Иисус».

И воины, сплели венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу, и говорили: радуйся, Царь Иудейский! и били Его по ланитам.

Исполнители воли Пилата не ограничились тем, что били бичами Иисуса. Пилат делал приятное синедриону, отдавая Иисуса воинам для бичевания. Грубые воины со своей стороны захотели сделать приятное тому же синедриону по своим расчетам и присоединили к бичеванию свои наглости. Они начали свое дело тем, что созвали всю спиру, бывшую на страже у Пилата, чтобы целым обществом потешаться над Царем Иудейским (Мф. 27,26; Мк. 15,16). Предавая позору ложного, по их мнению, Царя, они сплели из колючего растения венец и возложили на главу Его. Это колючее растение Отцы Церкви, начиная с Климента Александрийского, называют собственно терном, и нет сомнения, что прихотливая жестокость воинов, озаботилась тем, чтобы найти не только язвительную насмешку, но и самое колючее растение для главы Царя Иудейского. На покрытое ранами тело Господа набросили *ризу багряню*, или как сказано у святого Матфея *хламиду червленую*. Епанча красного цвета, застегнутая на одном правом плече, была одеждою царскою; её же давали военачальникам, тогда как простые воины носили короткую епанчу разных простых цветов. На Иисуса набросили красную епанчу, конечно старую, ни к чему не годную, лишь бы выразить ею насмешку над Иудейским Царем.

Так оделся теперь *одеяйся светом яко ризою* (Пс, 103, 2). Недоставало одного знака царской власти — скипетра. Вместо его *дали Ему в правую руку трость* (Мф. 27, 29), палку тростника палестинского, который похож на наш тростник, только толще и тверже. После такого облачения, которое само по себе было горькою насмешкою, начались ругательства людей грубых.

«Да здравствует император!» — кричали при торжествах римскому императору. «Да здравствует Царь Иудейский!» — кричали теперь Иисусу. По повествованию святого Матфея, воины преклоняли еще пред Иисусом колена и с улыбкою злости произносили насмешки. Мало и того было: в знак презрения *плевали на Него и, взяв трость, с жестокостью злости били Его по голове* (Мф. 27, 30), а другие наделяли пощечинами.

Тому, Кто держит мир дланью, Кто носит всё глаголом силы Своей (Евр. 1,3), что стоило усмирить, уничтожить наглых нечестивцев? Но Сын Человеческий терпит всё безмолвно: ни одного знака нетерпеливости, ни одного движения негодования не мог заметить в Нем самый князь мира (Ин. 14, 30). Господь давно сказал, что предадут Его язычникам на поругание и бичение (Мк. 10, 33 — 34; Лк. 18, 32 — 33). И теперь переносил Он все наглости и побои как волю Отца Небесного. *Будучи злословим*, говорит апостол Петр, *Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному* (1 Пет. 2, 23). Вот как надобно переносить обиды и оскорбления, как бы несправедливы они ни были!

Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины.

Пилат и прежде сказал иудеям: *наказав, отпущу Его*. Когда же воины кончили свое дело, кроткий вид невинного Страдальца, истерзанное Его тело, жестокости, какие дозволили себе в отношении к Иисусу воины, потрясли Пилата. И он ожидал многого от сострадания человеческого. Может ли быть, думал он, чтобы и такое жалостное положение Страдальца не тронуло иудеев? Приказав следовать за собою Иисусу, он вышел к иудеям и сказал: *вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины*. Пилат дает знать, что он много сделал в угождение синедриону: невинный Иисус истерзан жестоко — но подвергать Его смертной казни нет никакой причины.

Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!

Следуя воле префекта, Иисус вышел из двора претории на площадку и явился пред взорами врагов Своих весь облитый кровью, в венце терновом, в епанче, не закрывавшей ни ран, ни наготы. Какой жалкий, какой горестный вид! Пилат сказал: *се, Человек!* Как много говорит это слово! Пилат сказал его, как видно, в волнении души, движимой состраданием. Он выражал им и свое участие к Страдальцу, и укоризну упорству иудеев. Вот, говорил он, человек, столько истерзанный для вас! Смотрите, Он — человек, и так измучен. Он человек, — ужели нет в людях сострадания к человеку? Смотрите: есть ли в Нем что-либо, кроме кротости самой изумительной! Есть ли в Нем что-либо, обличающее в Нем беспокойного, мятежного человека, о чем вы кричите? Иудеи должны были вспомнить при том более, чем хотел и мог сказать им Пилат. — Они должны были вспомнить, что это Тот, Кто

исцелял их больных, воскрешал мертвых, чудесно питал голодных, благословлял детей, утешал вдов. Это такой великий Пророк, какого ожидал Моисей. — Он теперь истерзан, измучен, весь в ранах. Но не Его ли положение описывал Пророк? «Презрен и оставлен людьми, — говорил Исайя, — муж болезней и других страданий; как такового, от кого закрывают лицо, мы презрели Его, ни во что ставили Его. Он болезни наши понес и язвы наши подъял, а мы думали, что Он поражен, язвлен и наказан свыше. Он страдал за наши грехи и мучен за наши беззакония. Мучат сего Страдальца, но Он не отверзает уст Своих; как агнец, которого ведут на заклание, как овца, пред стригущим ее безгласная, так Он не отверзает уст Своих» (Ис. 53,3 — 5, 8). Как было не узнать в этом пророческом изображении того Страдальца, Кого показывал теперь Пилат? Но мало того, что иудеи не узнали Страдальца; они с буквальной точностью выполнили над собою всё то, что говорил Исайя о смотревших на страждущего Раба Иеговы. Не напрасно же говорил Пророк: *кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?* (Ис. 53, 1). Иудеи не понимали того, что видели своими глазами и что делали сами. Печальная слепота!

Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его!

Жалкие ученики закона откровенного не только не понимали откровения Божия о Мессии, но оказывались хуже язычника Пилата — они не знали и долга человеколюбия. Они совсем потеряли из вида то, что для Иеговы дороже сострадание, чем жертва (Ос. 6,1; Мф. 9,31). Опасаясь, не возбудил бы вид истерзанного Раба Иеговы в народе жалости, они огласили воздух криками: распять, распять Его!

Такая жестокость, такое упорство синедриона вывели из себя Пилата. Полный негодования и презрения, он сказал: *возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины*. Если припомним, что иудеи, по их собственному признанию, не имели права сами по себе предавать кого-либо смертной казни, то нетрудно понять, что хотел сказать Пилат иудеям словами гнева своего. Он говорил им, что, решительно отказываясь утверждать их приговор об Иисусе как несправедливый, он предоставляет их собственному произволу их и власти закона, строгого против своеволия. Иначе сказать, он дает им знать, что видит в них возмутителей, которых должна усмирить высшая власть строгими мерами. Это, конечно, было сильным голосом Пилата о невинности Иисусовой, но всё же прибавляло горечь Страдальцу, которого оставляют в руках явных злодеев.

Бичевание Иисуса с насмешками...

Христиане-слушатели! Кто Сей изъязвленный, измученный Страдалец? Кто Сей, показываемый Пилатом в крови и ранах, опозоренный и истерзанный наглостью? Ах! К несчастью, иные едва не половину жизни посвящают познанию вещей пустых, ненужных, даже вредных душе, а вовсе не думают о том, за что и Кто столько мук терпит в Пилатовой претории. Какие книги читают они? О чем читают?.. Другие знают Иисуса распятого, знают, что за нас Он измучен, за наши грехи столько страдал, и однако остаются холодны, рассеянны, как будто не до них дело, как будто это не касается их ничем, — так же безжалостны они к Страдальцу, как были безжалостны иудеи, так же ни во что ставят все муки Его за грехи их, живут беспечно в грехах. О! не для того ли Он страдал за наше нечестие, чтобы мы не жили более для нечестия, а жили для Него единого — Господа нашего? Он искупил нас Своею кровью. Он для того терпел бичевания бесчеловечия языческого, чтобы мы не представляли более членов тела нашего в орудие греха (Рим. 6, 13). Он, Сын Божий, для того переносил насмешки бесстыдной наглости, чтобы мы жили в страхе Божиим.

Се, человек! — Смотри, грешник, как Он измучен за тебя! Зачем ты хочешь нераскаянностью твоею прилагать раны к ранам Его, оскорбление к оскорблениям? *Се, Человек!* Плоть и мир ищут только твоей погибели, и ты любишь их, ты служишь им с таким изумительным усердием — а для Него, Господа твоего, где жертвы, где труды твои?

Се, Человек! Приди в себя, грешник: долго ли до того, что твое бесчувствие, твоя неблагодарность, твоя нераскаянность призовут на тебя мщение правды небесной? Слышишь ли, что говорит Апостол? Он говорит: *Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа*: Господь грядет, то есть для того, чтобы судить нечестивых лицемеров (1 Кор. 16, 22).

Се, Человек, измученный за наши беззакония! Слезы и труды, пост и изнурение плоти, отречение от всего дорогого сердцу, молитвы и воздыхания много ли значили бы в сравнении с Его страданиями за нас?

Падем, братья и сестры, падем в умилении душ и сердец наших пред Страждущим за нас, да Он, безмерно любящий нас, простит нас и оживит хладные сердца наши любовью к Нему.

Христе Иисусе! Дай нам сознавать и чувствовать ужас бесчувствия к навыкам в грехах. Дай нам зреть и чувствовать, что ты — единый Спаситель наш!